А. А. ЗАЛИЗНЯК
(Институт славяноведения РАН, Москва)

«ЭФФЕКТ ЛУКЕРЬИ»: ПЕРЕХОД *ОЛ* > *О* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

DOI 10.31168/2658-3372.2019.2.7

В ходе раскопок 2017 году в Новгороде в числе других берестяных грамот была найдена грамота середины XIV века № 1102 — письмо Лукерьи к матери. Этот крайне лаконичный документ отличался от обычного вида берестяных грамот рядом неожиданных отклонений от привычных написаний, так что по первому впечатлению Лукерья казалась малограмотной. А. А. Гиппиус высказал подозрение, что за ее кажущейся малограмотностью в действительности может стоять иной фонетический состав ряда слов. Дальнейшее изучение грамоты полностью подтвердило это подозрение.

Наиболее странным было написание *потину* ‘полтину’, повторенное далее в виде *потиноу*: дважды одинаковым образом отсутствовала ожидаемая буква *л.* Понятно, что вероятность случайного соединения двух совершенно одинаковых описок очень мала. Поиск иного объяснения привел к предположению, что Лукерья фонетически точно отразила не отмеченное ранее особое диалектное явление — переход [ол] в закрытом слоге в [о].

---

[1] Статья публикуется по тексту файла, последнее обращение к которому А. А. Зализняка датировано 17 декабря 2017 г. Статья предназначалась автором для настоящего сборника и была доведена до практически полной готовности — в дополнении нуждался лишь список литературы. Заголовок «Эффект Лукерьи» отсутствует в авторском названии, но так озаглавлен файл со статьей. Редакторы сочли возможным внести эти слова в название статьи. — *Прим. ред.*

Прямым подтверждением этого предположения оказалось то, что в фонде имеющихся берестяных грамот обнаружилось целых три совершенно аналогичных примера: *по цетверта* ‘три с половиной’ 707 (посл. треть XIII в.), *потори коробии* ‘полторы коробьи’ 689 (60–70-е гг. XIV в.), *потор҄ъ коробьи* 521 (посл. четв. XIV — нач. XV в.). Они были найдены со значительными разрывами во времени (№ 521 — в 1974 г., № 689 — в 1987 г., № 707 — в 1989 г.) и все были, как и можно было ожидать при их кажущейся единичности, расценены как простые описки. Лишь после находки грамоты № 1102 с двумя примерами в одном тексте стало ясно, что все накопившиеся ныне пять примеров имеют единую причину, а именно: они отражают реальный переход [ол] в закрытом слоге в [о].

Этот переход, не привлекавший до сих пор внимания историков языка и диалектологов, очевидно, развивался в виде цепочки [ол] > [ow] > [оо] > [ō] > [о].

Первый шаг в этой цепочке — это хорошо известный переход *л* > *w* в конце слога, представленный ныне в северновеликорусской зоне и в говорах близ границы с Белоруссией, а первоначально охватывавший также вообще все говоры новгородского и псковского происхождения (см. Образ. 1970: 50–54). Предполагается, что он развился не позднее первой половины XIV века (там же: 54).

Дальнейшие шаги перехода представляют собой не что иное, как более полное развитие того же процесса. О реальности этих дальнейших шагов свидетельствует целая серия фактов, рассматриваемых ниже.

Самым известным случаем появления *о* из *ол* является, конечно, литературное слово *со́лнце* [со́нце]. Но в этом слове утрата [л] всегда рассматривается в курсах истории русского языка просто как результат упрощения сложного консонантного сочетания [лнц] (см. например, Соболевский 1907: 112). Что же касается вариантов *со́нечный*, *со́нечко*, *со́нышко*, где такого сочетания нет, то одно из возможных в принципе объяснений состоит здесь в том, что это производные от уже

закрепившегося [со́нце]. Тем самым это не рядовой случай, и мы рассмотрим его ниже отдельно.

Основная масса регулярных примеров обнаруживается в говорах. В приводимой таблице собраны примеры из СРНГ (с небольшими добавлениями из других источников). Порядок перечисления говоров может не соответствовать СРНГ; длинные переводы немного сокращены. В правой колонке знаком «+» выделены нетипичные для этой колонки единичные акающие говоры (кроме Тамб., Пенз., Сарат.).

-ол-	**-о-**
литературное *во́лглый* ‘сыроватый, влажный’; *во́лгкий* ‘то же’ Зап., Смол., Калуж., Пск., Калин. (5: 37); *во́лбльй* ‘то же’ Вят. (5: 36)	*во́глый* ‘то же’ Перм., Вят., Свердл., Том., Тюмен. (4: 330), (АОС 4: 144); *во́хкий* ‘то же’ Сиб., +Терск., Дон. (5: 164) [также *во́кхий* Енис. (5: 36)]; *во́блый* ‘то же’ Вят., Волог. (4: 327)
литературное *колту́н*; *колтуны́* ‘волосы, лохмы, космы’ Лит. ССР, Латв. ССР	*коты́ни* ‘длинные, нечесаные, растрепанные волосы, космы’ Арх., Олон., Новг., Твер., Яросл., Влад., Шуйск.
литературное *мол*	*мо* ‘мол, дескать’ Киров., Горьк., Костром. (18: 189)
литературные *молва́*, *мо́лвить*	*мо́ва* ‘язык, речь’ Арх., КАССР, *мо́вить* ‘говорить, сказать, молвить’ Арх., Олон., Перм. (не считая регионов, близких к Белоруссии и Украине) (18: 189)
литературное *молчи́*	*моцы́* ‘постой, погоди; молчи’ Олон. (18: 313)
литературное *толкова́ть* и др.	*токова́ть* ‘разговаривать, беседовать’ КАССР, Свердл., Хакас., Новосиб., *токова́ться* ‘то же’ Новг., *токови́к* ‘разговорчивый человек’ Перм. (44: 180)

-ол-	**-о-**
го́лбец ‘отгородка или чулан возле русской печи’ весь Север и Сибирь, Твер., Моск., Тул., Ряз., Тамб. (6: 284), (АОС 9: 219); *го́лбчик* ‘то же’ весь Север и Сибирь (6: 287), (АОС 9: 221)	*го́бец* ‘то же’ Север. и Сибирь, Твер. (6: 252), (АОС 9: 219)[2]; *го́бчик* ‘то же’ Ср. Урал., Том., Свердл., Иркут. +Ряз. (там же), (АОС 9: 221)
мо́лвия ‘молния’ Олон., Арх., Вят., Влад., Орл. (18: 214)	*мо́вия* ‘то же’ (18: 189; без указ. места)
балбыши́ (*болбыши́*) ‘плоды картофеля, растущие на стеблях’ (ПОС 1: 101)	*бо́бышки* ‘то же’ Свердл. (3: 40)
балдра́н ‘растение борщевик и др.’ Казан. (2: 80)	*бодра́н* ‘то же’ Казан. (3: 56)
голноста́рь ‘горностай’ арханг. (СГРС 3: 71)	*гоноста́рь* ‘то же’ Яросл. (7: 9), (АОС 9: 307), (ПОС 7: 81)
долдо́н ‘человек, говорящий много и без толку’ Курск., Орл., Тул., Калуж. (8: 109); также просторечное *долдо́нить*	*додо́ная женщина* ‘говорливая’ Яросл. (8: 90); *додо́нить* ‘говорить много и без толку’ (НовгОС 2: 89); ср. *додо́н* ‘петух’ (АОС 11: 251)
колма́тый ‘безрогий, комолый’ Олон., КАССР, Смол. (14: 139)	*кома́тый* ‘то же’ КАССР (14: 227)
сто́лбик ‘стебель растения <...>, щавеля’ Арх. (41: 206)	*стобики* ‘цветочные стебли щавеля’ Волог. (41: 171)
толка́чик ‘пест’ Смол., Пск., Орл. (44: 188)	*тока́чик* ‘то же’ Том. (44: 176)
полстова́л ‘валяльщик (войлока), шерстобит’ Сарат., Дон. (29: 133), *по́лста́ть* ‘бить вальком холст’ Новосиб., *полста́нье* ‘нижняя женская юбка’ Свердл. (29: 132)	*постова́л* ‘шерстобит’ Дон., *постова́ть* ‘валять (войлок, валенки)’ Дон., *по́сто́вка* ‘нижняя часть женской рубашки (из грубой ткани)’ Смол., Брян, Ворон., Новосиб. (30: 230)

[2] Из примеров рассматриваемой группы это самый известный в научной литературе. Так, АОС дает соответствующую статью как *го́лбец* (*го́бец*). Мызников (2004: 45) прямо указывает: *го́бец* < *го́ўбец* < *го́лбец.*

Как видно из этой таблицы, *о* из *ол* в подавляющем большинстве случаев представлено в окающих говорах (а также Тамб., Пенз., Сарат.), т. е. в северновеликорусских и производных от них (прежде всего сибирских) и окающих среднерусских. Единичные отклонения могут объясняться как заимствования из этих говоров. Правда, в одном случае (*пост-* из *полст-*) слова с *о* из *ол*, указанные в СРНГ, отмечены в основном в южных говорах. Но данные СРНГ нельзя рассматривать как исчерпывающие, и на фоне остальных свидетельств это частное обстоятельство уже не может изменить общую картину.

Исконное *ол* представлено в основном в южновеликорусских говорах и в литературном языке. Но оно возможно также и в северных говорах, что легко объяснимо, поскольку это просто сохранение древнего состояния.

Во всех этих примерах историческое тождество членов пары непосредственно очевидно и не нуждается в подробном обосновании.

В дополнение отметим еще примеры *водырѝ* 38 об. (и др., несколько раз) ‘волдыри’, ‘пузыри на коже’, *пузырѝ илѝ водырѝ* 41, *водырéй* 41 в лечебнике XVII века (РГБ, ф. 228, № 196). В данном значении во всех доступных нам источниках (в частности, во всем НКРЯ) отмечается только слово *волдырь* (примеров очень много); вариант *водырь* не отмечен более нигде. Тем самым предположение о том, что существовало отдельное слово *водырь*, образованное от корня *вод-* (‘вода’?) и случайно точно совпавшее по значению со словом *волдырь*, оказывается крайне неправдоподобным; т. е. естественно видеть здесь просто еще один пример перехода *ол* > *о*.

Более детального разбора требуют слова с корнями *болт-* и *бот-*, *колч-* и *коч-*.

Для *бóтáть* необходимо различать группу значений, связанных со взбалтыванием, болтанием (*бóтáть*$_1$), и значение удара, битья (*бóтáть*$_2$). Далее, для *болтáть* и *бóтáть*$_1$ различаются значения, связанные: 1) со взбалтыванием; 2) с особым способом ловли рыбы; 3) с раскачиванием, болтанием; 4) с болтливостью.

болт-	***бот-***
болтáть 1. ‘взбалтывать’ литературное. 2. *болтáться* ‘ловить рыбу’ Пск., Смол. 3. ‘болтать (ногами etc.)’ литературное. 4. ‘болтать (языком)’ литературное.	*бóтáть*$_1$ (3: 131) 1. ‘сбивать масло’ Сев., Вост., Тамб., ‘месить тесто’ Арх. 2. ‘хлопать по воде ботом, загоняя рыбу в сеть’ Арх., Сев.-Двин., Волог., Перм., Вят., Новг., Петерб., Твер., Костром., Пенз., Тамб., Свердл., Челяб., Тобол. + Пск. 3. ‘качать, болтать (ногами, руками)’ Сев., Вост., Арх., Олон. Волог., Перм., Яросл., Тамб., Енис. + Тул., Ряз. ‘звонить колокольчиком (боталом)’ Арх. 4. ‘болтать, врать’ Сев.-Двин., Ленингр., Перм., Тюмен., Свердл., Енис., Иркут.; сюда же: *бóтать по фéне.*
болт (Р. ед. *болтá*; 3: 80) 1. ‘мутовка, мешалка для взбалтывания’ Курск. 2. ‘рыболовный снаряд — длинный шест с утолщением на конце, чтобы пугать рыб или раков, ботало’ Курск., Краснодар., Азовск., Волог. 4. *болты́ продавать* ‘говорить вздор, болтать’ Калуж.	*бот* (Р. ед. *бóта*; 3: 127) 2. ‘длинная палка с конусообразным пустым внутри наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют в сети’ Арх., Волог., «от Шексны до Кубенского озера», Перм., Вят., Костром., Влад., Свердл., Оренб., Урал., Тюмен., Том., Кемер. и др. + Ворон., Кубан.
болтáло (3: 81) 2. ‘= *болт* (рыболовный снаряд)’ Олон.	*бóтáло* (3: 129) 2. ‘= *болт* (рыболовный снаряд)’ Волог., Перм., Влад., Костром., Тамб., Свердл., Челяб., Тобол., Барнаул. 3. ‘колокольчик на шею корове или лошади’ Арх., Перм., Сев.-Двин., Волог., Новг. и др., широко в Сибири; ‘праздношатающийся’ Арх. 4. ‘болтун’ Перм., Вят., Новг., Влад., Свердл., широко в Сибири.

болт-	***бот-***
—	Для сравнения: *бо́ма́ть*$_2$ (3: 131) ‘стучать, ударять, бить’ Арх., Олон., Перм., Вят., Твер., Яросл., Костром., Влад., Иван. и др., широко в Сибири + Ряз., Курск.
колч-	***коч-***
колч (Р. ед. *колча́*) ‘кочка, бугорок, поросший мхом или травой’ Ряз.; *ко́лча* ‘кочка’ (Слов. Акад. 1912), заболоченное место с кочками etc.’ Тамб.; *колчо́к* ‘то же, что *колч*’ Ряз., *колчки́* ‘комья засохшей или замерзшей грязи на дороге’;	*коч* (Р. ед. *ко́ча*) ‘кочкарник, кочки’ Арх., Волог., Костром. (15: 122); *ко́ча* ‘кочка’ Волог., Яросл., Иван., Костром., Влад., Нижегор., Том., Краснояр. + Моск. (15: 122); *ко́чка* литературное, а в говорах в значениях ‘холмик’, ‘островок на реке’, ‘верблюжий горб’, ‘деревянный шар (в играх)’ — Арх., Волог., Новг., Киров., Влад., Сиб., Челяб., Чкал. (15: 133);
колчева́тый ‘ухабистый, неровный, кочковатый’ Пск., Курск. (все — 14: 202) *колчено́гий* литературное	*кочева́тый* ‘покрытый кочками, кочковатый’ Арх., Костром. (15: 123) *кочеру́кий* ‘криворукий’ Волог. (15: 127)

Совпадение значений в членах пары (иногда вплоть до деталей) столь же явное, как в примерах из первой таблицы. Общий характер диалектного соотношения между левой и правой колонкой совершенно такой же, как в первой таблице. Таким образом, всё говорит за то, что здесь отразился такой же переход *ол* > *о*, как и в первой группе примеров.

Но для *бо́ма́ть*, *бот*, *бо́ма́ло* это означает необходимость пересмотра их этимологии. Согласно Фасмеру (I: 200), это другая ступень чередования от др.-рус. *бамати* ‘бить’. То же решение дает Аникин (4: 115): это из праслав **botati* (*sę*) ‘ударять с шумом, стучать’. С другой стороны, *болта́ть* Фасмер (I: 190) возводит к корню **bьlt-*, Аникин

(4: 35) — к праслав. **bъltati* ‘мутить, взбалтывать, мешать, бить по воде’. Ни эти авторы, ни цитируемые ими другие авторы нигде не обсуждают, даже в форме предположения, возможности фонетических изменений в этих корнях.

Вполне соглашаясь с такой реконструкцией исходных значений праслав. **botati* и **bъltati*, мы полагаем, однако, что приведенные в таблице значения у *бóмáть*$_1$, *бот*, *бóмáло* не могут быть просто вариантами семантического развития исходного **botati* (*sę*) ‘ударять с шумом, стучать’, при котором они лишь случайно последовательно совпали с соответствующими значениями слов *болтáть*, *болт*, *болтáло*. Иначе говоря, у современного диалектного *бóмáть* два разных источника: **botati* ‘ударять’ (ныне группа значений *бóмáть*$_2$) и **bъltati* ‘взбалтывать’ (ныне группа значений *бóмáть*$_1$). То есть в части случаев современное *бот-* исконно, а в другой части оно восходит к *болт-*.

Существенно также следующее. Для *болтáть* имеются украинские, белорусские и польские соответствия. Но для корня *бот-* со значениями группы ‘взбалтывать’ нет соответствий за рамками русского языка, и, если не считать единичных отклонений, которые могут быть междиалектными заимствованиями, их нет и за рамками севернорусского наречия. Одно это уже служило бы достаточным основанием для предположения о том, что *бóмáть*$_1$ есть продукт некоторой северновеликорусской инновации.

Понятно, что между значениями группы ‘взбалтывать’ и группы ‘ударять’ есть немало точек соприкосновения, и ныне провести между ними четкую границу уже затруднительно. Поэтому *бóмáть* двух разных происхождений сейчас уже рассматривается диалектными словарями (и, видимо, справедливо) просто как очень многозначный глагол.

Для слова *кóчка* Фасмер (II: 358) никакой определенной этимологии не предлагает, ограничиваясь лишь указанием некоторых групп слов, с которыми в принципе *кóчка* могла бы оказаться в родстве. Слова *колч*, *колча* среди них не фигурируют.

Ценнейшим дополнительным источником сведений о диалектных вариантах слов являются русские фамилии. Материал фамилий нередко оказывается даже более показательным, чем прямые диалектологические записи, поскольку в составе фамилий диалектные варианты морфем сохраняются более беспрепятственно, чем в именах нарицательных. В самом деле, память о значении этих морфем в большинстве случаев уже утрачена, а для фамилий не требуется, чтобы их корни были понятны. Даже более того, носители фамилий часто очень охотно поддерживают тот вариант своей фамилии, который удаляет ее от обычного имени нарицательного, делает ее непрозрачной.

Так, в Интернете обнаруживаются фамилии со многими из диалектных вариантов корня, фигурирующих в наших таблицах. Прежде всего для нас представляют интерес крестьянин Пермской губернии *Потинин Косма Феодотович* (род. в 1795 г.) и современный музыкант *Дмитрий Поторацкий*; ср. фамилии *Полтинин* и *Полторацкий.* Далее, в переписной книге Соликамского уезда 1711 г. значится *Михайло Елисеев сын Вохвин*, т. е. сын Елисея по прозвищу *Вохва* — явно из *волхва*; ср. современную фамилию *Волхвин* (вероятно, сюда же и фамилия *Волвин*[3]).

Мы находим в Интернете также фамилию *Гобцев* наряду с *Голбцев*, аналогично *Котунов* и *Колтунов*, *Котынин* и *Колтынин*, *Додонов* и *Долдонов*, *Коматов* и *Колматов*, *Стобов* и *Столбов*, *Токачев* и *Толкачев*, *Постовалов* и *Полстовалов*, *Боталов* (*Баталов*) и *Болталов*, *Кочин* и *Колчин*.

Не вызывает сомнений, что такой же характер носят пары *Хомцев* и *Холмцев*[4], *Жотиков* и *Жолтиков*, *Тостиков* и *Толстиков*, *Позунов*

---

[3] Если это *Волвин* действительно из *Волхвин*, то можно предположительно связать с данной группой также слово *во́ва* ‘фантастическое существо, которым пугают детей, бука’ Волог. (СРНГ 4: 328), Арх. (АОС 4: 142).

[4] Ср. фонетически совершенно сходную пару *Сонцев* и *Солнцев.* Написание *Сонцовъ* (или *Сонцевъ*) было вполне обычно, в частности для фамилии князей Сонцовых-Засекиных.

и *Ползунов*, *Хостинкин* и *Холстинкин*. Почти наверное таков же и ряд других подобных пар, например: *Кодунов* и *Колдунов*, *Хомов* и *Холмов*, *Добачевский* и *Долбачевский*, *Дожиков* и *Должиков*, *Дожников* и *Должников*, *Позиков* и *Ползиков*, *Поников* и *Полников*, *Мочунов* и *Молчунов*, *Мочанов* и *Молчанов*, *Гочанов* и *Голчанов* (от *голчать* ‘говорить, кричать’), *Копаков* и *Колпаков*, *Комаков* и *Колмаков* (от *колмак* ‘калмык’), *Бованов* и *Болванов*.

Вернемся теперь к вопросу о слове *со́лнце.* Различие в литературном языке между *со́лнце* [со́нце] и *со́лнечный*, *со́лнышко* позволяет заключить, что по крайней мере одним из факторов, определивших утрату [л] в [со́нце], было скопление согласных. Можно ли считать, что этот фактор был здесь единственным, т. е. что речь идет только об упрощении сложного сочетания *-лнц-*?

Рассмотрим поведение сочетаний типа *-лСС-* в русском языке. Как следствие фонотактических свойств древнерусского языка в современном языке такие сочетания встречаются почти всегда лишь после *о*, *ё*, *е.* В общем случае такие сочетания фонетически вполне устойчивы, например: *столбцы́*, *столбня́к*, *во́лчье*, *волчцы́*, *волчки́*, *толчки́*, *щелчки́*, *молчко́м*, *ко́лтки*, *желтки́*, *сболтну́ть*, *щёлкнуть*, *толкну́ть*, *умо́лкнуть*, *умо́лкший*, *неумо́лчный*, *во́лгнуть*, *во́лглый*, *жо́лкнуть*, *пожо́лклый*, *по́лдник*, *помо́лвка*, *безмо́лвный*, *а́лчныи*, *жёлчный*, *прилгну́ть*; *во́лжский*, *пово́лжцы*, село *Хо́лмцы* (Тверская область), фамилия *Хо́лмцев*, *хо́лмский* (от города Холм), *холмча́не* ‘жители города Холмск’ (Слов. жит. 1975: 249), *Чо́лнский монастырь* (не говоря уже о более «легких» сочетаниях типа *лст*, *лзн*, *лжн*, *лхв*, ср. *то́лстый*, *холсты́*, *поползнове́ние*, *до́лжный*, *волхвы́* и т. п.).

Как видно из приведенных выше таблиц, в части говоров у некоторых слов такой структуры (т. е. с *-лСС-*) отмечаются варианты с утратой *л*; например, *во́лглый* имеет вариант *во́глый*, *го́лбчик* имеет вариант *го́бчик.* Но как видно из тех же таблиц, совершенно то же самое происходит и со словами с простым *-лС-*, т. е. наличия трехсогласного сочетания для этого не требуется. Из общих соображений следует, правда, полагать, что при скоплении согласных данный процесс должен был

реализоваться интенсивнее. К сожалению, имеющийся диалектный материал слишком ограничен для того, чтобы можно было непосредственно это выявить.

На фоне всех приведенных фактов уже не видно оснований для принципиального отделения слова *солнце* от остальной совокупности слов, где *ол* дало *о*. Коль скоро переход *ол* в *о* происходил также и при отсутствии скопления согласных, то нет никаких оснований считать, что именно в одном слове *солнце* единственным фактором изменения было упрощение трехсогласного сочетания, а общий переход *ол* в *о* к нему отношения не имеет[5].

Добавим к этому, что в старорусских памятниках имеется один бесспорный пример упрощения трехчленного сочетания вида *-лСС-*: *мóлка* из *мóлвка* ‘свидетельское показание’, ‘донос’, ср. *по ѧзы́чной мóлкѣ* (Улож. 1649: 315), *по ѧзы́чнымъ мóлкамъ* (там же: 312). По этой модели упрощение слова *сóлнце* должно было бы дать *сóлце*. Но реально получилось не *сóлце*, а *сóнце*, и это может служить дополнительным аргументом в пользу того, что в изменении этого слова участвовал также и переход *ол* в *о*.

Примечание. Небольшая часть носителей современного литературного языка и поныне произносит не [сóнце], а [сóлнце] или нечто промежуточное; ср. обсуждение этого вопроса в Интернете на «Лингвофоруме»[6]. Весьма показательно свидетельство одного из

[5] Заметим, что у укр. *сóнце*, блр. *сóнца*, которые составляют прямую параллель к русскому [сóнце], *л* отсутствует также и в производных: укр. *сóняшний*, *сóнечко*, *сóненько*, блр. *сóнечны*, *сóнейка*. То есть картина здесь ничем не отличается от таких примеров, как укр. *мóва*, *мóвити*, блр. *мóва*, *мóвіць*.

[6] См. http://lingvoforum.net/index.php?topic=3087.0. Заметим, что в этом обсуждении фигурировала также версия, что произношение [сóлнце] есть всего лишь результат влияния орфографии. Но в действительности это может быть так только у тех, кто овладел литературным произношением не с детства, а путем сознательного более позднего переучивания. Между тем в чис-

участников этого обсуждения: «...всегда по-русски выговаривал и выговариваю до сих пор [солнцъ] или, может, что-то типа [соо̆нцъ] или [соўнцъ]». Названы в точности те фонетические реализации, которые предполагаются в качестве промежуточных стадий всего процесса *ол* > *о* в целом.

Почему же из всего большого массива слов с сочетанием *-лСС-* именно у слова *со́лнце* вариант с утратой [л] смог закрепиться в литературном языке? Ответ, по-видимому, достаточно прост: у всех слов большого списка, приведенного выше, имеется исходное более простое слово, где сочетания *-лСС-* нет, например, *столб* и *столбе́ц* для *столбцы́*, *молча́ть* для *неумо́лчный*, *Во́лга* для *во́лжский*; и это исходное слово активно поддерживает соответствующее звуковое сочетание в производных. А для *со́лнце* исходного более простого слова **солно* в языке не было. (Заметим, что сходное объяснение действительно также для слова *ко́чка*: слова *колч*, *ко́лча* литературному языку чужды.)

Таким образом, наиболее сообразное со всем массивом фактов объяснение истории слов *со́лнце* [со́нце], *со́лнечный*, *со́лнышко* (с более редкими вариантами *со́нечный*, *со́нышко*) состоит в том, что они подпадали под действие диалектного перехода *ол* > *о*, которое при наличии трехсогласного сочетания было более интенсивным, чем при его отсутствии. Диалектная севернорусская форма [со́нце] закрепилась прочнее всех прочих подобных в связи с отсутствием исходного **солно* и стала общерусской.

С хронологической точки зрения начало перехода [ол] в закрытом слоге в [о] должно быть отнесено ко времени не позднее последней трети XIII в. (см. выше о грамоте № 707) и, с другой стороны, не ранее прояснения (а тем самым и падения) редуцированных (поскольку *ъл* должно было успеть перейти в *ол*).

ло тех, кто произносит [со́лнце], несомненно входят и такие люди, которые усвоили это произношение с детства.

В письменных памятниках переход *ол* в *о* отражается очень редко. Кроме приведенных выше примеров из берестяных грамот XIII и XIV вв. можно указать единичные примеры написания *сонце* начиная с XVI в. (см. НКРЯ). Особый интерес представляет отражение слова *солнце* в разговорнике Фенне 1607 года: *sonsa* 32.4, *sonsza* 388.1, наряду с *solnsa* 32.5/6/7, *szolnsa* 478.3, *solnszo* 31.11, *sonlsźa* 238.6. Поскольку Фенне трудно подозревать в следовании за кириллической орфографией, эти данные естественно интерпретировать как свидетельство соответствующих колебаний в живом русском произношении.

Всего в предшествующем разборе выявлено 36 корней с *-олС-*, у которых в каких-либо словах или в фамилиях обнаруживается вариант без *л*. Из корней этой категории в лексике, взятой в объеме «Грамматического словаря» (Грамм.), 27 — это односложные корни с *-олС-* (не иноязычные), для которых не найдено вариантов без *л*, всего 9, причем половина из них — это просто корни редких слов (*оголтелый*, *колгота*, *колтки*, *полба*, *во́лна* ‘шерсть’). Таким образом, можно полагать, что данный переход мог охватывать в некоторых говорах почти всю совокупность слов с *-олС-* в корне.

Следует также отметить некоторую акцентологическую особенность рассматриваемого перехода: в части случаев переход [ол] > [ow] > [oo] > [ō] сопровождался перетяжкой ударения на это долгое [ō]: ср. *бо́та* при *болта́*, *ко́ча* при *колча́*, *мо́ва* при *молва́*, вариант *бо́тать* при *болта́ть*, вариант *бо́тало* при *болта́ло*. К сожалению, материал слишком ограничен для того, чтобы можно было в точности установить, при каких условиях эта перетяжка происходила и при каких отсутствовала.

В славянском мире эффект перехода *ол* в *о* хорошо известен в сербском языке, ср. серб. *по̑* ‘пол, половина’, *на по пу́та* ‘на полпути’, *во̑* ‘вол’, *го̑* ‘голый’, *сто̑* ‘стол’, *сто̑нӣ* ‘столовый’, *со̑нӣ* ‘соляный’, *бо̑нӣк* ‘больной, пациент’ и т. п. Но предполагать в сходстве этого эффекта в сербском и в древненовгородском что-либо большее, чем параллельное развитие, нет оснований.

С типологической точки зрения исчезновение [l] после гласной в закрытом слоге (с некоторым изменением этой гласной или без него)

представляет собой вполне известное явление. Особенно последовательно оно реализовалось, например, в истории французского языка, ср. *cou* [ku] < *col* < *collum*, *pousse* [pus] < *pulsa*, *saute* [sot] < *salta* и множество других. В ряде случаев также в английском языке, например: [ha:f] < *half*, [ka:m] < *calm*, [t′:k] < *talk*, [w′:k] < *walk*, *would* [wud] < *wolde*, *should* [šud] < *sceolde.*

Таким образом, новгородская берестяная грамота № 1102 послужила стартовой точкой для выявления ранее неизвестной фонетической черты, существовавшей в части говоров древненовгородского диалекта, а также во многих северновеликорусских говорах.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.

Грамм. — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.

Мызников 2004 — *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru.

НовгОС — Новгородский областной словарь. Великий Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

Образ. 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л. , 1967–.

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

Слов. Акад. 1912 — Словарь русского языка / составлен Вторым отделением Императорской Академии Наук... СПб., 1912. Т. 4; вып. 6 (Колпак–Концепция).

Слов. жит. 1975 — Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л. (СПб.):, 1965–.

Улож. 1649 — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

Фенне 1609 — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607). Copenhagen, 1970. Vol. 2. Ссылки даются на страницы оригинала.

A. A. Zaliznyak

«Lukerya's effect»: the [ol] > [o] transition in the history of Russian

The article describes a previously unknown phonetic feature of Old Novgorod dialect — transition of [ol] to [o] in closed syllables. Twice attested by the birchbark letter № 1102, this feature, as it turned out, is also reflected by other birchbark documents in which it has not so far been identified. The analysis of dialectal data shows that [ol] > [o] transition in closed syllables was not limited to the dialect of Old Novgorod but took place in many North Russian dialects as well.

Keywords: Old Novgorod dialect, birchbark documents, North Russian dialects, phonetics.